

DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-2-178-189

Мотивы, факторы и следствия нового типа сельско-городской миграции для развития российской поселенческой среды¹

О.Я. Виноградская

Центр аграрных исследований
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, 82, Москва, РФ, 119571

Статья посвящена рассмотрению феномена переезда в сельскую глубинку на постоянное местожительство горожан и конструированию ими собственных практик жизнедеятельности. Сегодня возникла насущная необходимость в исследовании глубинных оснований этого феномена. Он не укладывается в традиционные объяснительные схемы, разработанные к настоящему моменту в научной литературе, поскольку такого рода основания, как правило, располагаются в неких скрытых, внутренне-бытийных сферах, пробиться в которые нелегко как внешним наблюдателям, так и самим носителям соответствующих структур сознания. Этот двойной парадокс осложняет внятную социологическую интерпретацию мотивационных и онтологических оснований, побуждающих горожан приехать в деревню и прочно обосноваться в ней. Предполагается, что поведенческие модели данной социальной группы детерминируются системой норм и ожиданий, появляющихся в ходе обновления структур массового сознания, когда, в частности, активно переосмысливается будущность урбанистического устройства общества. Такого рода исследовательская нацеленность пока что не фигурировала в составе социологических акций. Осмысление этого феномена может помочь ответить на вопрос: почему все усилия по искусственному принуждению российского крестьянства к счастливой жизни на протяжении последнего столетия имели для него катастрофические последствия, и как, с учетом этого понимания, могут быть выстроены перспективы урбанистической эволюции общества? Новый взгляд на такого рода проблематику должен в большей степени фокусироваться на онтологических основах процессов, детерминирующих жизненные практики «новых сельчан», которые, в отличие от традиционных практик, уже сегодня приводят к социально-культурной трансформации сельских социумов.

Ключевые слова: горожане, новые сельчане, повседневные жизненные практики, сельская местность, «чужак», жизненная среда, сельская жизнедеятельность, онтологические основания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Горожане в деревне: онтология и эволюция жизненных практик», № 17-03-50018 а(ф).

В современном дискурсе деревня продолжает оставаться синонимом места, где проживают люди, которых можно, в большинстве своем, отнести к неудачникам и маргиналам, нашедших свой приют подальше от благ цивилизации. В противоположность этому крупный и особенно столичный город воспринимается большинством населения сегодня как мечта, прибежище для умных, талантливых и успешных.

Однако сегодня в это шаблонное представление двух пространственных полюсов российской действительности стали не вписываться некоторые тенденции, все больше наблюдаемые нами в процессе экспедиций в течение последнего десятилетия в глубинных сельских поселениях. В этих поселениях все более отчетливо прорисовывается относительно новая для этих мест социальная группа, состоящая из коренных горожан, оставивших свои благоустроенные жилища в городах и переехавших сюда на постоянное местожительство. Следует отметить, что численность этой группы, по нашим оценкам, в последнее время становится статистически значимой величиной и приближается к 710% от числа реально проживающих в этих поселениях сельчан. Но в наших наблюдениях за жизнедеятельностью этой группы прослеживались, с нашей точки зрения, еще более существенные, чем статистические, моменты. Так, численность этой группы на протяжении десятилетнего наблюдения не только не уменьшалась, но и постоянно возрастает, несмотря на политику «оптимизации», проводимую в отношении сельской подсистемы российского общества в этот период, результатом которой явилось почти полное уничтожение в сельских поселениях инфраструктурных объектов и, как результат, сворачивание бюджетного финансирования².

Представители этой группы, назовем их «новые сельчане», стремятся постоянно обустроить свою теперешнюю среду обитания самостоятельно, исходя из своих, необъяснимых, с точки зрения коренных сельчан, соображений, вызывающих у последних недоумение, настороженность, а иногда и прямое противодействие, поскольку речь идет не только об организации «пришлыми» своего бытового комфорта, но и, в большей степени, об изменении повседневных жизненных практик сельчан и формировании новых отношений внутри сельского социума, а это уже воспринимается «старожилами» как «покушение» на сложившийся социальный «порядок».

² Так, по данным Росстата и ВШЭ, за период с 2000/01-го по 2015/16-й учебные годы в России было закрыто 24376 общеобразовательные организации (без вечерних (сменных) организаций), из которых 20059 (т.е. 82,3% от общего количества закрытых организаций) таких организаций, включая находящиеся на капитальном ремонте, были расположены в сельской местности (Источник: Образование, 2017: 28). Число больничных организаций с 2005-го по 2016-й годы, по данным Росстата, сократилось на 4122 объекта, из которых 2653 (т.е. 64,4% от общего количества закрытых организаций) располагались в сельской местности (Источник: Здравоохранение, 2017: 89). Причем за период с 2000-го по 2017-й годы, по данным Росстата, сельское население сократилось на 1698,6 тыс. человек, т.е. только на 4,3% (Источник: Демографический, 2017: Табл. 1.1).

Однако, несмотря на такое негативное отношение к начинаниям своих новых соседей, коренные сельчане стараются перехватить, скопировать и даже «модернизировать» отдельные, «втайне» понравившиеся инициативы горожан, что пробуждает к какой-то «новой» жизни, казалось бы, безнадежно «спящие» сельские социумы.

Важно подчеркнуть, что это люди, как правило, с высшим или средним специальным профессиональным образованием, с богатым опытом работы в самых разнообразных областях деятельности, обладающие несколькими дополнительными специальностями и широким кругозором. Что касается их возрастного состава, то можно сказать, что среди них преобладают люди среднего и старшего возраста, имеющие за «плечами» определенный социальный background, полученный ими в «прошлой» жизни в разных российских городах, а у некоторых и за границей.

«Новых сельчан» нельзя отнести к категории «визитеров», которые находятся в постоянном поиске какого-то комфортного для себя местожительства. В интервью с нами никто из них не выразил желания в ближайшее время вернуться обратно в город, несмотря на трудности, с которыми они столкнулись в этой «новой» для себя жизни. У каждого из респондентов своя история переезда в деревню, в ней много рациональных оснований, связанных с «усталостью» от городов, от их экологии, суеты и, как ни странно, отсутствия полноценного общения. Вместе с тем респонденты не всегда могут аргументировать выбор конкретного поселения для своей будущей жизни, хотя одни из них сознательно занимались поисками выставленного на продажу жилья с помощью Интернета, а затем смотрели предложения на месте. Другие отправлялись на поиски по рекомендации друзей, знакомых или родственников, проживающих в соседних поселениях. Но, по признанию большинства респондентов, окончательный выбор они все-таки не могут объяснить исходя только из рациональных соображений.

Какие именно практики разворачивают в безнадежно «спящих» сельских социумах «новые сельчане»? Чтобы ответить на этот вопрос, отвлечемся на небольшое терминологическое уточнение. Под общеупотребимым термином «практика»³, как правило, понимается любая «материальная, чувственно предметная деятельность», даже представленная рядом каких-либо повторяющихся, однообразных последовательных действий. При таком понимании «практики» ускользает ее деятельный, активный характер. Поэтому под термином «жизненные практики» мы будем иметь в виду лишь инициативную, предприимчивую, динамическую деятельность тех или иных социальных субъектов. Исходя из этого жизненные практики «новых сельчан» резко контрастируют с «предметной деятельностью» коренных сельчан, по-

³ Философская энциклопедия определяет термин «практика» (греч. *praktike*, от *praktikos* деятельный, активный) как материальную, чувственно предметную деятельность человека (Философия, 2004).

скольку активность первых не ограничивается своим домохозяйством или поселением, напротив, благодаря Интернету, она, в прямом смысле слова, не имеет пространственных границ. Например, через социальные сети они организуют праздники, собирающие не только жителей окрестных сельских поселений, но и горожан, которым для этого необходимо преодолеть почти сотню километров. Причем для этого «новым сельчанам» не нужна какая-либо специфическая инфраструктура, они могут для этого использовать любую подходящую открытую территорию, временно обустроив ее под тематику праздника. Так, в одном из исследованных нами сел для этих целей «новые сельчане» постоянно используют детскую площадку, спроектированную и построенную, кстати, одним бывшим горожанином. В этом селе, которому насчитывается более трехсот лет, никогда не было подобных объектов, и ни у кого из местных жителей, которых в недавнем прошлом было несколько тысяч человек, не возникало необходимости в такого рода инициативе. Кстати, эта детская площадка в теплое время года руками все тех же «новых сельчан» периодически превращается в летний кинотеатр, где демонстрируются фильмы, героями которых выступают местные жители.

К еще одному массиву инициатив «новых сельчан» можно отнести так называемые экологические практики. Среди них можно выделить использование новых сберегающих технологий в домохозяйствах (капельное орошение и мульчирование почв подсобных хозяйств, использование органических удобрений). К одной, пока еще экзотической экологической инициативе, можно отнести борьбу с колорадским жуком посредством цесарок. В этом ряду стоят и практики с использованием как новых, так и традиционных видов плодовых и овощных культур, подобранных по принципу симбиоз-кооперации. Причем «новые сельчане» активно обмениваются разного рода практиками в социальных сетях, а иногда даже устраивают мастер-классы.

Почему мы сконцентрировались именно на этом феномене, который сегодня не только не является массовым, но и выпадает из общего тренда, направленного в будущее, в котором не будет не только сельской, но и, по словам одного из популярных блогеров, даже «одноэтажной России»? Во-первых, потому что этот феномен имеет месь быть, и, во-вторых, он интересен именно тем, что его имение места происходит не благодаря, а вопреки существующему модному тренду. И, как показывает наша недавняя история, от этих трендов остаются лишь лозунги и разруха. Причем последняя пребывает не только на местности, но, по меткому выражению классика, еще и «в головах».

Здесь могут возникнуть возражения, что это никакой не феномен, что часть горожан всегда и не только в России, но и в других странах, стремились в деревню или в какую-нибудь rural area, где можно сравнительно недорого купить домик под дачу или отдохнуть летом у родственников, а сейчас еще и получить так называемые «экологические» услуги. Однако этих горожан вполне устраивает город как основное местожительство, а сельскую местность они рассматривают только с точки зрения ее потребительских свойств, недоступ-

ных в условиях города. И в этом они ничем не отличаются от сельчан, переезжающих в города в поисках условий для «лучшей», с точки зрения тех же потребительских свойств, жизни. Нас же в данном случае интересует социальная группа горожан, переезжающих на постоянное местожительство в сельскую местность, для которых «потребительские свойства» последней не имеют определяющего значения для принятия решения о переезде, а располагаются в ряду прочих столь же несущественных, хотя и благоприятных факторов.

Поэтому мы считаем, что уже сегодня назрела необходимость в социологическом осмыслении феномена прибывших в деревню и оставшихся здесь жить горожанах, которое, как мы полагаем, поможет понять: почему все усилия по искусственному принуждению российского крестьянства к счастливой жизни на протяжении последнего столетия имели для него катастрофические последствия, и как, с учетом этого понимания, могут быть выстроены перспективы урбанистической эволюции общества.

Объясняя данный аналитический посыл более подробно, можно сказать, что он состоит в пересмотре общепринятых взглядов на проблематику модернизации крестьянско-деревенских жизненных практик, когда так или иначе постулируется, что основной предпосылкой сохранения российской деревни является модернизация инфраструктурных элементов жизненной среды. Новый взгляд на такого рода проблематику, по нашему мнению, должен в большей степени фокусироваться на онтологических основах процессов, детерминирующих жизненные практики «новых сельчан», которые, в отличие от традиционных практик, уже сегодня приводят к социально-культурной трансформации сельских социумов.

Таким образом, суть обозначенной проблематики, с нашей точки зрения, сводится к осмыслению до сих пор недостаточно проясненной картины причин и мотивов, побуждающих вполне благополучных, укорененных горожан к переезду на постоянное жительство в деревенскую глубинку. Эта социальная группа появилась сравнительно недавно и постоянно растет — как количественно, так и с точки зрения разнообразия ее социальных (профессиональных, культурных, образовательных и т.д.) измерений.

Следует отметить, что существующие сегодня в науке модели маргинальности и дауншифтинга [1, 2, 11, 13, 15, 21] в основном демонстрируют набор рациональных, прагматических причин решительной смены жизненного пространства [16], тогда как внутренняя, онтологическая, бытийственная основа этих, как правило, внезапных, необъяснимых уходов обычно скрыта пеленой типовых схематических толкований («любовь к природе», экологические «блага», «бегство» от городской суеты и т. п.). Преодолеть подобного рода познавательный барьер возможно лишь путем детального социологического раскрытия намерений и экзистенциальных действий субъектов, истолковывать последние как некую, им присущую, «бытийную» аксиоматику.

Описываемая проблематика возникла как закономерный результат наблюдений, накопленных автором в ходе 25-летней исследовательской работы

в российских селах. Однако особенно важны здесь впечатления последних лет, когда буквально на глазах обозначилась и стала играть в сельском социуме заметную и не всегда понятную для «местных» роль указанная выше социальная группа.

Несколько слов о своевременности постановки обозначенной выше проблематики. Ее актуальность обусловлена в первую очередь тем, что социологическая рефлексия и всесторонняя предметная фиксация рассматриваемого феномена необходима для дальнейших исследований в такой обширной, но обойденной вниманием предметной области, как сельская подсистема общества. Знание внутренних пружин миграции в деревенскую среду открывает новые возможности для управления развитием периферийных российских территорий. Мониторинг поселенческой среды фиксирует постепенное исчезновение с карты сельской России островков обжитой и продолжающей быть хотя бы минимально окультуренной среды обитания. Деревня пустеет демографически, и неизбежно утрачиваются не только практики традиционного крестьянского природопользования, которые раньше удерживали некую норму производительных усилий, но и весь спектр жизненных практик, связанных с сельской повседневностью. В этой ситуации появление в деревне относительно новой социальной группы, состоящей из коренных горожан, переезжающих в глубинное российское село на постоянное жительство, порождает общественно-политические и социально-культурные ожидания, связанные с перспективами эволюции села как «источника человечества и человечности» (А. Платонов). А эта ситуация требует нетривиального специализированного научного подхода. Своевременность постановки вопроса определяется также тем, что, судя по нашим наблюдениям, осевшие в деревне горожане пытаются реабилитировать и возродить на новой технологической основе традиционные способы крестьянского мелкомасштабного природопользования и возродить отдельные виды местных ремесел. Несомненно, эти попытки объективно способствуют обеспечению исторической преемственности в деле сбережения и обновления деревенских продуктивных занятий. Сюда же примыкает список культурно-этнографических традиций, возобновляющихся в модернизированном, но уходящем корнями в местную архаику, облике.

Что уже сделано в соответствующих научных разработках? Современные исследования жизненных практик социальной группы горожан, обустроившихся на постоянное местожительство в сельской местности, направлены, в основном, на изучение возможностей этой группы по освоению преимуществ сельского образа жизни (экология, тишина, размеренность, возможности для самореализации и т. п.) и создание на этой основе привлекательных образцов жизнедеятельности для будущих переселенцев. В отечественной науке подобного рода исследования базируются на массовых опросах населения, проводимых с целью изучения миграционных процессов из деревни в город и обратно [4]. Как правило, основу инструментария такого рода опросов составляют утилитарно-прагматические, оценочные суждения о «базисе

массового сознания россиян», а по их результатам даются рекомендации по созданию условий для увеличения доли горожан, готовых к переезду в село.

Сюда же можно отнести исследования, связанные с созданием горожанами альтернативных сельских поселений [7] (Задорин, 2014). При этом в отечественной научной литературе практически отсутствуют исследования повседневных жизненных практик одной из самых интересных и релевантных групп сельского социума на сегодняшний день – бывших горожан. Эту лакуну восполняют исследования, связанные с изучением «гибридных» миграционных потоков, например, «неоотходников» (сельских жителей, уезжающих на сезонные работы в города), которые при определенных условиях могут возвратиться в современную деревню для реализации своих жизненных проектов [3].

В этом же ряду стоят исследования групп горожан, временно перебазирующихся в сельскую местность с целью получения здесь «ресурсных», «экосистемных (экологических)», «природных услуг» и устанавливающих при этом взаимовыгодные социальные союзы с местным сельским населением [14]. Переселению в сельскую местность, как феномену обратной миграции, посвящены исследования В. Звягинцева и М. Неуважаевой [8]. Возможности симбиоза городских и сельских сообществ в разное время рассматривали С. Бобылёв, М. Палт, В. Пациорковский, А. Шелест. Процессам рурбанизации российских сел посвящены исследования Е.В. Жадновой [6]. Из западных социологов к этой теме в конце прошлого века обращались R. Chapuis, T. Brossard [19, 20]. Теоретическая часть данного исследования опирается на концепции «чужака» Г. Зиммеля [10], А. Шюца [18] и «культурного конфликта» Р. Парка [13].

По Зиммелю, чужак по отношению к группе, в которую он пришел и остался, то есть уже зафиксирован внутри определенного пространственного круга, является для этой группы одновременно близким и далеким, поскольку изначально он привносит в этот круг качества, основание которых с данным пространством не связано. Поэтому между такими элементами взаимодействия возникает особое напряженное отношение, моменты отталкивания и дистанцирования, образующие некую форму сотрудничества и сплоченности. У Шюца чужак – неофит, добивающийся постоянного признания или терпимого отношения со стороны социальной группы, в которую он попадает. При этом он может разделить с этой группой общее настоящее и будущее, но совместные переживания прошлого для него невозможны. В силу этого у него нет совместной с группой истории. Парк называет чужака маргинальным человеком, т. е. обреченным на жизнь в двух антагонистических культурах и уже поэтому вовлеченным в культурный конфликт. Представляется, что горожане, прибывающие на постоянное место в деревню, выступают для местного социума такими же чужаками, как и этот последний для них.

Наша гипотеза состоит в том, что горожане не просто привносят в жизненный круг деревни некие новые качества, но при этом еще и создают на

основе богатых культурно-информационных образцов собственные социальные пространства, в которых уже местное население оказывается в положении «чужаков», – в силу замкнутости и обособленности сельского социума, утратившего не только значительную часть культурных образцов, но также свою определенность и цельность.

Таким образом, к настоящему времени создана продуктивная основа для специального углубления в обсуждаемую тематику и исследования онтологических параметров жизненных практик горожан, их глубинной, в определенном смысле экзистенциальной мотивации. В таком исследовательском подходе сама деревня как «принимающий» социум развернется в довольно неожиданных познавательно-аналитических ракурсах. К примеру, исследование культурных образцов чужаков в большей степени потребует именно для сельчан. В этом отношении самыми активными «чужаками» со стороны местного населения оказываются дети и молодежь, которые одновременно являются и потенциальными мигрантами из родных социумов. И чем заметнее для этих социальных групп будет возрастать степень сотрудничества с чужаками и вхождения в их пространства, тем мощнее станут проявления сил отталкивания и дистанцирования со стороны их родного социума. Вместе с тем у этих социальных групп с возрастанием шансов на миграционную подвижность увеличиваются и возможности их возвратной миграции в свои родные социумы, но уже с багажом иных культурных образцов.

Мы считаем, что сегодня основное внимание необходимо уделить наблюдению и анализу повседневных жизненных практик горожан, обосновавшихся в селе, что, в свою очередь, позволит понять внутреннюю онтологическую детерминированность этих, в сущности, довольно рискованных начинаний, нащупать и обнаружить скрытые мотивационные основания такого социально-пространственного «перебазирования» в чуждую для них жизненную среду. Последняя обычно рассматривается как экологически более благоприятный, событийно разгруженный, простой придаток города, способный обеспечить субъекту обычные радости бытия и спокойную жизнь. Однако наш экспедиционный опыт дает основание для переосмысления подобного, несколько поверхностного изображения круга повседневных целей и занятий вчерашних горожан. Априори нащупываемая конструкция сельской жизнедеятельности более замысловата и причудлива, поскольку в ней есть своя глубина и многосоставная рефлексивность.

Проведенные нами на сегодняшний день исследования показали, что глубинные основания выбора горожанами сельской жизненной среды с трудом укладываются в традиционные объяснительные схемы. Они не на виду, они располагаются в неких скрытых, внутренне-бытийных сферах, пробиться в которые нелегко как внешним наблюдателям, так и самим носителям соответствующих структур сознания. Этот двойной парадокс осложняет внятную социологическую интерпретацию мотивационных и онтологических оснований, побуждающих горожан приехать в деревню и прочно обосноваться в

ней. Можно гипотетически предположить, что поведенческие модели данной социальной группы детерминируются системой норм и ожиданий, появляющихся в ходе обновления структур массового сознания, когда, в частности, активно переосмысливается будущность урбанистического устройства общества. Такого рода исследовательская нацеленность пока что не фигурировала в составе социологических акций.

В заключение необходимо отметить важность исследований, направленных на анализ внутренних причин и мотивов переезда горожан в деревню, их жизненных практик, формирующихся в новой для них среде жизнедеятельности, поскольку их результаты могут быть использованы для понимания перспектив эволюции сельской подсистемы общества. В самом деле, что произойдет с деревней как пространством жизни, до сих пор не вполне понятно. Произойдет ли дальнейшее стагнирование сельской местности, из которой постепенно выветриваются элементы традиционного жизнеустройства, или она накопит потенциал обновления, вносимый, в частности, переселенцами? Понимание этих моментов носит не только познавательный, но очевидно прикладной характер, так как может помочь формированию адекватной территориально-пространственной политики государства в этой сфере.

© Виноградская О.Я., 2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Акопян Н. (2005). Маргинальность как одна из основных характеристик трансформирующегося общества // 21-й век. № 1. С. 150–165.
- [2] Быховская П. (2016). Дауншифтинг по-деревенски: Как дачники спасают вымирающие деревни. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/05/29/8270759.shtml> (дата обращения: 22.06.2016).
- [3] Великий П.П. (2013). Неотходничество, или Лишние люди современной деревни, [в:] Тощенко Ж.Т. (отв. ред.), Новые идеи в социологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 441–449.
- [4] Войнилов Ю., Мальцева Д., Шубина Л. (2016). Открывая село заново: исследования сельских территорий, [в:] Пугачева М. Г. (ред.), Векторы развития современной России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 53–66.
- [5] Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. (2017) / Росстат. М.
- [6] Жаднова Е.В. (2013). Перспективы исследования российской деревни // Экономика, социология, право. С. 99–103. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21145466_24855935.pdf (дата обращения: 04.09.2017).
- [7] Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А., Шубина Л. (2014). Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 64–77. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21980042_44437692.pdf (дата обращения: 04.09.2017).
- [8] Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (дата обращения: 04.09.2017).

- [9] Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. (2017) / Росстат. М.
- [10] Зиммель Г. (1994). Человек как враг // Социологический журнал. № 2. С. 114–119; Зиммель Г. (2008). Экскурс о чужаке / Пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль. С. 713.
- [11] Мерзлякова В. (2008). Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестник общественного мнения. № 4 (96). С. 33–42.
- [12] Образование в цифрах: 2017: краткий статистический сборник (2017) / Д.Р. Бородина, Л.М. Гохберг, О.Б. Жихарева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ.
- [13] Парк Р. Э. (1998). Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. № 2. С. 172–175.
- [14] Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2013). «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России, [в:] Тощенко Ж.Т. (отв. ред.), Новые идеи в социологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 314–338.
- [15] Попова И.П. (1999). Новые маргинальные группы в Российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социологические исследования. № 7. С. 62–71.
- [16] Шешин Д., Гусейнов В. (2016). Псковские робинзоны: Горожане побежали из бетонных трущоб, заселяя землю русскую заново. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275/> (дата обращения: 22.06.2016).
- [17] Философия: Энциклопедический словарь. (2004). М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/968/%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 03.06.2018).
- [18] Шюц А. (2004). Чужак: Социально-психологический очерк / Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 533–549.
- [19] Chapuis R., Brossard T. (1989). The Demographic Evolution of Rural France (1968–1982) // Journal of Rural Studies. V. 5 (4).
- [20] Kayser B. (1990). La Renaissance Rurale: Sociologie des Campagnes du Monde Occidental. Paris: Armand Colin; Mahajan S. Rurbanization.
- [21] Stonequist E. V. (1961). The marginal man. A study in Personality and Culture Conflict, N.Y.

Motives, factors and consequences of the new type of village-city migration for the development of Russian settlement environment

O. Vinogradskaya

The Center of the Agrarian Studies
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky pr., Moscow, 119571, Russia

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of moving to a remote rural area for the permanent residence of townspeople and constructing their own practices of life. Today there was an urgent need to study the deep bases of this phenomenon. It does not fit into

the traditional explanatory schemes developed to date in the scientific literature, because such bases are usually located in some hidden, inner-being spheres, which are difficult to break into which is not easy both for external observers and for the bearers of the corresponding structures of consciousness. This double paradox complicates the distinct sociological interpretation of the motivational and ontological grounds that motivate townspeople to move to the village and settle firmly in it. It is assumed that the behavioral models of this social group are determined by the system of norms and expectations that appear in the course of updating the structures of mass consciousness, when, in particular, the future of the urban structure of society is actively rethinking. Of such kind research focus has not yet appeared in the composition of sociological actions. Comprehension of this phenomenon can help to answer the question: why all the efforts to artificially force the Russian peasantry to a happy life during the last century had catastrophic consequences for him, and how, taking into account this understanding, the prospects of the urban evolution of society can be built? A new look at this kind of problems should focus more on ontological foundations of processes that determine the life practices of «new villagers», which, unlike traditional practices, already lead to a socio-cultural transformation of rural communities.

Key words: townspeople, new villagers, everyday life practices, countryside, «stranger», life environment, rural life activities, ontological foundations

REFERENCES

- [1] Akopyan N. (2005). Marginal'nost' kak odna iz osnovnyh karakteristik transformiruyushchegosya obshchestva // 21-j vek. № 1. S. 150–165.
- [2] Byhovskaya P. (2016). Daunshifting po-derevenski: Kak dachniki spasayut vymirayushchie derevni. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/05/29/8270759.shtml> (data obrashcheniya: 22.06.2016).
- [3] Velikij P.P. (2013). Neoothodnichestvo, ili Lishnie lyudi sovremennoj derevni, [v:] Toshchenko Zh.T. (otv. red.), Novye idei v sociologii. M.: YUNITI-DANA. S. 441–449.
- [4] Vojnilov Yu., Mal'ceva D., Shubina L. (2016). Otkryvaya selo zanovo: issledovaniya sel'skih territorij, [v:] Pugacheva M.G. (red.), Vektory razvitiya sovremennoj Rossii. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS. S. 53–66.
- [5] Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2017: Stat.sb. (2017) / Rosstat. M.
- [6] Zhadnova E.V. (2013). Perspektivy issledovaniya rossijskoj derevni // Ehkonomika, sociologiya, pravo. S. 99–103. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21145466_24855935.pdf (data obrashcheniya: 04.09.2017).
- [7] Zadorin I., Mal'ceva D., Homyakova A., Shubina L. (2014). Al'ternativnye sel'skie poseleniya v Rossii: stihijnaya vnutrennyaya eh migraciya ili osoznannyj transfer v budushchee // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. № 2. S. 64–77. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21980042_44437692.pdf (data obrashcheniya: 04.09.2017).
- [8] Zvyagincev V.I., Neuvazhaeva M.A. (2015). Pereselency iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen «obratnoj migracii» v sovremennoj Rossii // Mir Rossii. T. 24. № 1. S. 101–135. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (data obrashcheniya: 04.09.2017).
- [9] Zdravoohranenie v Rossii. 2017: Stat.sb. (2017) / Rosstat. M.
- [10] Zimmel' G. (1994). CHelovek kak vrag // Sociologicheskij zhurnal. № 2. S. 114–119; Zimmel' G. (2008). Ehkurs o chuzhake / Per. A.F. Filippova // Sociologicheskaya

- teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manah zhurnala «Sociologicheskoe obozrenie». SPb.: Vladimir Dal'. S. 713.
- [11] Merzlyakova V. (2008). Al'ternativnye modeli uspehnosti v sovremennoj kul'ture: daunshifting // Vestnik obshchestvennogo mneniya. № 4 (96). S. 33–42.
- [12] Obrazovanie v cifrah: 2017: kratkij statisticheskij sbornik (2017) / D.R. Borodina, L.M. Gohberg, O.B. Zhihareva i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ehkonomiki». M.: NIU VSHEH.
- [13] Park R.Eh. (1998). Kul'turnyj konflikt i marginal'nyj chelovek // Social'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 11. Sociologiya. № 2. S. 172–175.
- [14] Pokrovskij N.E., Nefyodova T.G. (2013). «Kletochnaya globalizaciya» i novye tendencii v sel'skih soobshchestvah Blizhnego Severa Rossii, [v:] Toshchenko Zh.T. (otv. red.), Novye idei v sociologii. M.: YUNITI-DANA. S. 314338.
- [15] Popova I.P. (1999). Novye marginal'nye grupy v Rossijskom obshchestve (teoreticheskie aspekty issledovaniya) // Sociologicheskie issledovaniya. № 7. S. 62–71.
- [16] Steshin D., Gusejnov V. (2016). Pskovskie robinzony: Gorozhane pobezhali iz betonnyh trushchob, zaselyaya zemlyu russkuyu zanovo. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275/> (data obrashcheniya: 22.06.2016).
- [17] Filosofiya: Ehnciklopedicheskij slovar'. (2004). M.: Gardariki. Pod redakciej A.A. Ivina. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/968/%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (data obrashcheniya: 03.06.2018).
- [18] Shyuc A. (2004). Chuzhak: Social'no-psihologicheskij ocherk / Izbrannoe: Mir, svetyashchij smyslom / Per. s nem. i angl. M.: «Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya» (ROSSPEHN), 2004. S. 533–549.
- [19] Chapuis R., Brossard T. (1989). The Demographic Evolution of Rural France (1968–1982) // Journal of Rural Studies. V. 5 (4).
- [20] Kayser B. (1990). La Renaissance Rurale: Sociologie des Campagnes du Monde Occidental. Paris: Armand Colin; Mahajan S. Rurbanization.
- [21] Stonequist E. V. (1961). The marginal man. A study in Personality and Culture Conflict, N.Y.

Об авторе:

Виноградская Ольга Яковлевна – старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape58@yandex.ru).